

ЗНАКИ КРОВНОГО РОДСТВА

«Скришке—струны, речке — струи, деревцу—своя листва... Знаком не залакирую знаки кровного родства»—читаем мы в одном из стихотворений Ольги Фокиной из ее нового сборника «От имени серпа» (М., «Современник», 1976). И, действительно, они, эти знаки, роднящие поэтессу с воспитавшей и возрастившей ее северной деревней и с ее добрыми и приветливыми обитателями, отчетливо проступают в каждой поэтической строчке.

А начало этому родству было положено в «маленькой деревушке, окруженной со всех сторон елками да елушками, да голодным криком ворон». В той самой, где в ее жизнь вошла светлым праздником книга со стихами Пушкина, которой, быть может, мы и обязаны теперь столь ярко заявившему о себе поэтическому таланту.

Читаешь, одно за другим стихи из этого сборника и постепенно как бы сам погружаешься в мир совсем не сказочного и далеко не безоблачного—война полыхала на горизонте—детства будущей поэтессы. В мир тяжелого до изнеможения («вот кончим сенокос—й—рученьки вразброс»)

крестьянского труда, спорящего под прибаутку — «коси, коса, коси, пощадки не проси».

Но вот подходит долгожданное «праздники Октябрьские и Май», и всей этой усталости как не бывало! И хотя война прибрала в свои жесткие руки все мужское население деревни, подгулявшие женщины «задвинув в угол стол, все чаице, крепче стучают ногами в белый пол». Слово хотят своим неистовым топотом заглушить гложущую их «тоску-печаль» по ушедшим на фронт мужьям и сыновьям.

Может быть, именно с этих невеселых женских сборищ военного времени и появилась у Ольги Фокиной тяга к деревенским частушкам, особенно отчетливо проявившаяся в ее стихотворении «Лыдиночка-снежиночка», посвященном кружевной артели «Снежинка» города Вологды и состоящем в сущности из нескольких мастерски связанных между собой частушек.

При этом, как и положено, начинающая его частушка выдержана в замедленном темпе: «Тихо падают снежиночки на тоненький ледок. Отколо кусочек лыдиночки, где милого следок». Затем ритм действия

в стихотворении все убыстрится, и оно, как снежный ком, обрастает озорными частушками-самоцветами, которые переливаются и искрятся, захватывая читателя.

Одна за другою проходят перед нами многочисленные героини стихов Ольги Фокиной. Одни еще по-девичьи восторженные и нетерпеливые, когда мысленно обращаются к своему будущему избраннику: «Милый! Кого я в тебе найду? Друга ли? Ворона ли? Встречи с тобою, как счастья, жду, скоро ли? Скоро ли?».

Другие по-женски душевно щедрЫ и готовы на самопожертвование во имя счастья бывшего еще вчера близким, а сегодня ставшего чужим человека: «свою любовь, как золотую рыбку, без выкупа пускаю в океан». Но все они наделены живой плотью и кровью, живут на страницах сборника своей, не похожей ни на чью другую жизнью.

Многие известные советские поэты посвятили свои лучшие произведения женщине-матери. Есть такие стихи и у Ольги Фокиной. И даже в самом том, что в новом ее сборнике они не выделены в общий цикл, а

чередуются со стихами на самые различные темы, есть своя определенная закономерность. Потому что такое их расположение создает у читателя ощущение того, что поэтесса постоянно помнит и думает о своей матери, незаметной и скромной сельской труженице.

И всякий раз, когда думы эти особенно близко подступят к сердцу, неприметно складывается еще одно (которое уже по счету!) признание в дочерней любви к тому самому родному человеку: «Встану взглянуть, далеко ли до света, —вет, но светает! Вспомню: родимая во пору эту печь затопляет».

Вот и прочитана последняя страница сборника. Но хорошие книги как-то по-особому притягивают нас к себе, заставляя вновь и вновь к ним возвращаться. Думается, что такая же счастливая судьба ждет и новую книгу Ольги Фокиной, в которой она с завидным постоянством обращается к своим читателям «вновь от имени серпа».

И. ДАНИЛОВ,
наш внеш. корр.

г. Сокол.